

Организация учебного процесса

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

ПРОТИВ СТРАХА

“

Какие изменения происходят сегодня в методике преподавания урока в целом и русского языка и литературы в частности? Как изменилось восприятие урока современным ребенком? Чего сегодня боятся учителя? И как интегрировать в урок цифровые технологии таким образом, чтобы интересно было и учителю, и ученику? Об этом и многом другом – в интервью с Антоном Скулачевым, учителем словесности московской школы № 1514, председателем Гильдии словесников, главным редактором по литературе СберКласса.

— Как изменилось преподавание в школах за последние 5–10 лет? И можно ли говорить о каких-то трендах в преподавании, которые сегодня определяют современную школу?

— На мой взгляд, преподавание русского языка и литературы находится сейчас в двоякой ситуации. С одной стороны, есть очень мощные и по размеру, и по энергетическому заряду прорывные практики — это и то, что делаем мы в Гильдии словесников, и целый ряд проектов, — это невероятная энергия новых методик, новых подходов, новых программ. С другой стороны, есть общая линия образовательной политики, которая направлена в противоположную сторону.

— Что вы имеете в виду?

— Сведение предметов к ЕГЭ и ВПР, натаскивание на ЕГЭ начиная с третьего класса, потому что именно в третьем классе родители массово начинают брать репетиторов. Ориентация на контрольные мероприятия вместо ориентации на процесс. Как говорила моя знакомая, которая учила дочку в третьем классе: «Было все

интересно, пока не начали готовиться к ВПР» — всю вторую половину года учиться невозможно, потому что это только прорешивание типовых заданий. И в такие типовые шаблоны превращается и весь учебный процесс.

В чем проблема с содержанием ЕГЭ? На ЕГЭ нужно знать то, что от тебя ждут, и подстраиваться под шаблонный формат. И так формулируются требования, когда от ученика ожидают клише, штамп, гладкопись вместо глубины, так готовятся дети к итоговому сочинению. Мы проводили социальное исследование с сотрудниками НИУ ВШЭ о том, что подготовка к сочинению идет через использование сайтов с готовыми клише и готовыми аргументами. То есть ты просто занимаешься механической работой, которая состоит из заучивания материалов методичек и из бесконечного жонглирования штампами и готовыми аргументами, в том числе про высокие нравственные понятия. И в голове у ученика это склеивается: нравственность становится набором штампов. Получается, что это такая школа лицемерия и страха.

И дальше происходит то, что я вижу, когда приезжаю к учителям.

Мне кажется, ужасно важно вдохновлять учителей, заряжать энергией, заряжать какими-то новыми идеями. Потому что, к сожалению, часто учитель невероятно уставший: у него нечеловеческая нагрузка, ведь невозможно же работать, имея 25 часов, а тем более имея 35 часов.

Я начинаю им рассказывать о преподавании, как можно ярко и интересно подавать материал, как можно взять небанальный учебник (а по закону можно использовать не только учебник из федерального перечня, но и учебное пособие), рассказываю об академических свободах учителя, гарантированных ФЗ. И слышу: «А что, правда? А мы боимся, а нас за это поругают, а за это к нам придут из Росособнадзора, и они не разрешат».

И вот тут рождается тотальный страх: как же они пройдут тему и ученики не напишут ВПР?

Когда им говоришь о том, как можно разворачивать предмет к ученику, придумывать творческие задания, можно буктрейлеры снимать, можно, чтобы ученики сами формировали список изучаемых произведений... Доходит до смешного, учителя говорят: «А как же они напишут ВПР по литературе?» Хотя у нас нет ВПР по литературе! То есть учителя боятся того, чего нет, и этот страх усиливается страхом администраторов, родителей, чиновников... Это тотальная круговая порука страха.

Это с одной стороны, но с другой — хочется говорить про хорошее. Мне кажется, что наши предметы — русский язык и литература — сейчас находятся в золотой стадии развития. Почему?

Первое. Сегодня наблюдается прорывное развитие практик субъектности, когда учителя вместе с учениками и родителями придумывают огромное количество способов развернуть предмет к ученику. Это книжные клубы, где обсуждаются книги по выбору детей и где учитель не ведущий, а всего лишь модера-

тор, а ведущим может стать даже ребенок. Это новые программы, которые строятся не от формальных задач, а от ученика. Простой пример. Существует кондовая массовая программа, которую хотят вменить всем школам через «примерную рабочую» как обязательную. В этой программе есть такие разделы: литература XVIII века, литература XIX века, литература XX века. А есть, например, замечательный учебник Александра Архангельского, профессора Высшей школы экономики, где такие разделы: путешествие, детство человека и детство человечества, герои и подвиги в жизни и литературе. То есть учебник может быть созвучен возрасту ребенка, его интересам, любой шестиклассник обожает подвиги, готов совершать подвиги и любит смотреть про супергероев. Вот предмет, который движется от ученика.

Прекрасный пример с учебником по русскому языку. В традиционных массовых учебниках большая часть текстов посвящена подробностям сельскохозяйственных работ, таких как собирание снопов в гумна. Или, к примеру, подсчитано, что в учебнике русского языка упоминается около 200 видов птиц... в общем, безумно увлекательно. И если открыть первую страницу, — это тоже смешно, — там всегда разговор о русском языке. Как он ведется? Русский язык — великое наследие многотысячелетней культуры... Вроде бы и не поспоришь. Но вы понимаете реакцию любого ученика: «Вы с кем сейчас разговариваете?» В то время как с учеником можно говорить про то же самое, показывая, например, ролики «Арзамаса» «Русский язык за 18 минут», или о

древнерусских грамотах — интересно, увлекательно, с огоньком, объясняя суть через мемы.

Наша коллега Римма Раппопорт, которая много делает для методики преподавания русского языка, работает с современными текстами, с текстами про современных звезд, про писателей, и это не набор штампов о величии литературы, а ироничные тексты про Пушкина с учетом интересов ребенка. И не в смысле примитивизации детей, ведь мы же видим, насколько современные видеоблоги часто профессиональны и содержательны.

Огромное количество примеров про то, как современная литература включается в программу, чтобы подвести к классике: от Гарри Поттера и рыцарской культуры Гарри Поттера — к рыцарству в классической литературе, к «Дубровскому». От повестей Марии Пар, про детство современных детей, — к «Детству» и «Отрочеству» Толстого с их сложной повествовательной структурой. Все это — разные способы развернуть литературу к ученику. В частности, новые форматы творческих заданий, которые мы сейчас придумываем на олимпиадах по литературе, которые придумывают коллеги на чемпионате сочинений «Своими словами»,

форматы заданий, которые позволяют школьникам с совершенно неожиданной стороны посмотреть на литературу. Например, когда мы просим их описать события «Слова о полку Игореве» так, как их описал бы блогер, журналист, политик времен князя Игоря. Или как-то коллеги предложили детям представить себе, что первая глава повести Гоголя «О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» — это пост в социальной сети. Мы просили учеников поставить лайк, прокомментировать, то есть отреагировать и написать, что их удивляет, изумляет, что позволяет возмутиться этим отрывком. Это не только отдельные задания — это огромное количество и разных учебных пособий, которые зачастую не допускаются до федерального перечня.

— То, что вы рассказываете, — это здорово, круто и современно. А современный учитель готов к такому диалогу с ребенком?

— У нас есть наше профессиональное сообщество, яркое и динамичное. Например, это фейсбук-сообщество «Методическая копилка словесников», где более девяти тысяч участников, в котором каждый день делятся

Универсальные инструменты тоже не спасут, потому что какие могут быть универсальные инструменты, когда у учителя в классе 30 детей с глубоко индивидуальными особенностями и запросами?

разными нестандартными находками преподавания. В эту копилку может написать любой, не зная, как провести урок, и очень быстро получить 150 комментариев, бурлящих идеями.

Последние шесть лет два раза в год мы проводим «Свободные встречи свободных учителей». Это абсолютно неформальное мероприятие, которое не дает никаких официальных бумажек со штампами, но на которое съезжаются каждый раз 200 учителей со всей страны, причем за свой счет. Я не преувеличиваю — от Сахалина до Калининграда. Народ приезжает за свои деньги, чтобы просто обменяться этими живыми идеями.

Мы с Гильдией словесников последние годы устраиваем десанты для словесников: проводили педагогические лаборатории в Казани, в Новгородской области, в Калининграде. Коллеги вдохновлены, они готовы работать, готовы меняться.

Мы уже третий год проводим летнюю школу для учителей литературы в Ясной Поляне, на которую стараемся собирать учителей сельских школ. Я всегда привожу в пример коллегу, которая работает в школе в 4,5 часа езды от Красноярска. После участия в нашей школе в Ясной Поляне она целиком и полностью поменяла свою программу для восьмого класса, ввела новые тексты, преобразила пространство кабинета, для того чтобы он стал работающей образовательной средой, а не скучными полками. Она поменяла пространство районной библиотеки, сделала в нем книжные клубы, на которые ходят ученики из ее поселка. То есть это реальный живой процесс, который действительно меняет качество учительской жизни.

У нас есть коллега из поселка в Новгородской области, где в 10-м классе один человек, то есть из умирающей, по некоторым меркам, школы. Так она со своими учениками делает научные конференции по Достоевскому, где наравне со школьниками выступают научные сотрудники, доктора филологических наук из Москвы. То есть все возможно и многое получается, если только нет этого жуткого прессинга со стороны, как правило, региональных структур и того, что гораздо хуже, чем прессинг, — страха учителей, страха директоров: как же мы возьмем новую программу, что нам скажут родители? Как же мы возьмем временный текст, он не проверенный годами, и не зарос нафталином, и не заплесневел, а родители хотят, чтобы только «заплесневелое» проходили? Это то, что гениально сформулировал Антон Павлович Чехов, — «как бы чего не вышло». Лозунг российского учительства «как бы чего не вышло», к сожалению, массовый.

— Существует огромное количество платформ, приложений, онлайн-методик, которые призваны расширить представления школьников и взрослых о гуманитарных предметах, которые помогают с ассоциативным мышлением, с восприятием текста и т.д. Насколько сегодня это интегрировано в учебный процесс? И не отвлекает ли это от основной учебной программы?

— Мне кажется, говорить, что «Арзамас», например, отвлекает от учебной программы — это все равно

что говорить, что вас от работы отвлекает электронная почта. Современное знание существует в медиа-форматах, это одна из его базовых характеристик.

На мой взгляд, это и есть современное образование, когда ты идешь за историей XVIII века не в учебник истории, а на сайт «Арзамаса». Когда ты идешь за информацией по лингвистике на «Постнауку» и слушаешь лекции современных лингвистов. И многие школьники обожают эти сайты, потому что они умеют говорить про культуру, про историю глубоко, содержательно, — школьники очень хорошо это чувствуют.

Кстати, обратите внимание, что, когда ведутся архаизирующие консервативные разговоры об образовании, которое не должно учитывать школьника и его запросы, то они исходят из предубеждения, что школьник — идиот, что он любит исключительно тупые тексты, в которых только мат, что он занимается исключительно тем, что смотрит в «Тик-Токе» видео с какими-то обезьяньими штуками и т.д. Скажу честно, я немного видел таких школьников. Зато я очень много видел таких школьников после того, как их испортила скучная школа, после того, как они поняли, что в школе ничего интересного они не понимают. И вот из этой скучной шко-

лы они идут в веселый «Тик-Ток».

А можно же сразу показать, что школа — это вообще-то ужасно интересно, что наука — это увлекательно, что она про драйв и современность. Та же самая история современного христианства. Почему молодежь сложно привести в церковь? Потому что в церкви им часто говорят про то, что нужно ходить в сарафанах до полу, говорить на церковнославянском языке и слушать радио «Радонеж». Это христианство? Нет, это не христианство. Потому что, как говорил отец Георгий Чистяков, христианство — это «жгучая современность». Вот то же самое делают современные платформы вроде «Арзамаса» с культурой, с историей и с литературой.

И долг современного учителя, согласно известному принципу «если ты не можешь предотвратить — возглавь», в том, чтобы «возглавить» социальные сети, показать ученикам, что в социальных сетях можно делать страничку литературных персонажей.

А еще, что можно пойти не в учебник, а на «Арзамас», можно создавать на «Тильде» лонгриды, и это бесплатно, делается быстро и просто, и за несколько часов ты рождаешь собственное медиа. Можно в сети «ВКонтакте» или в других соцсетях размещать собственные литературные опусы и дальше «играть» в

*Может быть, нам вообще стоит всем учиться
больше доверять ученикам, доверять им
взаимопроверку работ, выбор форматов,
в которых они работают?*

критиков и в рецензентов, и писать комменты, и ставить лайки, и смотреть, кто больше лайков соберет. Насколько к этому готов учитель? Очень по-разному. Некоторые — очень готовы. С другой стороны, педагогика страха и ощущение, как бы чего не вышло, это, конечно, есть, и позиция регулятора здесь ужасает.

Поэтому здесь, конечно, с учительской готовностью очень по-разному. Мы с коллегой написали сейчас учебное пособие про информационные технологии в изучении литературы, оно нацелено на учеников прежде всего, но думаю, что это хороший продукт и для учителей. Мы как раз подробно расписываем и какие сайты смотреть, и какие платформы, и как делать в разных форматах творческие задания на «Тильде», на гугл-картах и т.д. Мы показываем, как можно по-разному в интернете работать с литературой. Думаем, что все это будет потихоньку развиваться и дальше двигаться.

— Если говорить о педагогах, по вашим наблюдениям, как изменился в принципе педагог за последние годы? Ведь то, что вы описываете, подразумевает не только изменения в головах, а еще и определенный набор совершенно новых компетенций.

— Да, это уже не просто педагогика и преподавание. Для того чтобы рассказать ребенку о том, чем может быть полезна «Тильда», надо уметь работать с «Тильдой». Точно так же и с любой другой платформой, будь то «Арзамас» или «ВКонтакте». То есть учитель должен этим обладать как минимум на уровне, а по-хорошему —

и в большей степени, чем обладает современный ребенок. А сегодня ровно наоборот в большинстве случаев.

Это все важные вопросы, и у меня нет на них ответа, я бы ответил вопросом и размышлениями вслух на вопрос: а нужно ли учителю стремиться угнаться за техническими новинками и инструментами? Может быть, ему стоит быть просто качественным, настоящим, глубоким профессионалом, а технические вещи уметь доверять и делегировать ученикам? Может быть, нам вообще стоит всем учиться больше доверять ученикам, доверять им взаимопроверку работ, которые замечательно можно осуществить в гугл-документах, когда они оставляют друг другу комментарии? Доверять им выбор форматов, в которых они работают?

Например, если в классе есть ученик, который умеет программировать, пусть он сам предложит платформу, на которой лучше сделать задание. Еще такой забавный момент. Я сам раньше очень много рассуждал про информационную технологическую грамотность учителей, и что это большая проблема, и про инструменты... А сейчас как раз для нас всех это хороший вызов и возможность принять то, что это не главное, и пусть этим владеют дети и нас учат этим пользоваться. А наша профессиональная значимость учителей, может быть, даже возрастет в области предметного знания, если мы будем по-настоящему в курсе новейших научных тенденций и публикаций, будем сами исследовать и писать. С другой стороны, учитель должен быть профессионалом в области психологии. И это еще один вызов.

Я не знаю, как учителя справляются с этим вызовом, но уверен, что есть много прекрасных профессионалов, у которых это получается.

— А вы как справляетесь как педагог?

— Во-первых, я из тех педагогов, кто убежден, что педагог — это помогающая профессия, а значит, он должен быть в личной терапии. Мне кажется, это так же, как и у психолога, который без супервизии не может быть допущен до клиента. То есть мне кажется, что я стараюсь много сил тратить на практики осознанности и рефлексии, на свои личные ресурсы восстановления. Я стараюсь читать современную литературу, ходить на все ключевые выставки, которые проходят: я очень люблю искусство, люблю несколько часов стоять около одной картины.

Второе, я стараюсь по мере сил учиться, слушать курсы, связанные с поддержкой детей, развиваться лично в этом направлении, поэтому, кстати, в Гильдии словесников мы стараемся поддерживать и практики неформального повышения квалификации.

Мы делаем кафедральные выезды, учительские выходные, мы выезжаем куда-то за город, в область говорить про литературу. Это такие неформальные конференции, где больше не столько сутобо профессионального общения, сколько разделения опыта с тем, кто рядом с тобой, где есть чувство плеча, чувство сопричастности и чувство того, что ты не одинок в своих проблемах и радостях. Важно еще и то, что на таких встречах не обсуждаются темы, сколько у кого детей какое количество баллов за ЕГЭ получило

и прочие вещи, которые усиливают конкуренцию между учителями. Я против такого!

Мы прекрасно знаем, конкурентное отношение не ресурсное, оно разрушительное, легко проецируется дальше на других — учитель, который конкурирует с коллегами, вынуждает учеников конкурировать друг с другом, и самое главное, эти отношения тупиковые. Ты сам себе ставишь предел своего развития. Мне кажется, эти практики неформальной взаимной поддержки, летние школы, лаборатории — это то, что очень нужно учительству.

И еще один мой принцип, совершенно идеалистический. Мне кажется, ужасно важно вдохновлять учителей, заряжать энергией, заряжать какими-то новыми идеями. Потому что, к сожалению, часто учитель невероятно уставший: у него нечеловеческая нагрузка, ведь невозможно же работать, имея 25 часов, а тем более имея 35 часов, как большинство российских учителей. То есть почти в два раза больше ставки! Понятно, что такой учитель ничего хорошего для ребенка не сделает.

— Стартовал новый учебный год. Что лично вы ждете от этого года с точки зрения каких-то трендов? Ваш личный топ-3 изменений на предстоящий учебный год.

— Я очень пессимистически и тревожно настроен по части трендов государственной политики в сфере образования и общественного запроса, потому что я вижу, как этот запрос и отвечающая ему государственная политика стремительно уходят от

живого человеческого, свободного, яркого и интересного в сторону железобетона. И мне хочется верить, что нам удастся сохранить противоядие от этого. Я не знаю, каким оно будет, но уверен, что найдется, потому что во все времена, когда живое и культурное душили, оно всегда находило способы выжить.

Второе. Я вижу, что родители массово ищут это противоядие, и это всплеск онлайн-школ, инстаграм-репетиторов и прочих штук, которые на самом деле довольно опасны, потому что они существуют исключительно по логике бизнеса, и поэтому это неконтролируемая ситуация. То есть действительно очень многие родители бегут из государственных школ, потому что в государственных школах кондовое обучение, и бегут непонятно куда. Для меня это тоже повод для тревог, скажу честно.

Ну и третье, чтобы было хоть что-то хорошее в этих моих грустных мыслях, я могу сказать, что моя надежда связана не с глобальными тенденциями, а с локальными инициативами. Вот здесь Юлия Шаронова преобразила кабинет и поменяла программу. Вот здесь Ирина Николаевна Евлампиева в Поле продолжает делать конференции вопреки всему. Вот здесь ученики придумали что-то, и это что-то убедили сделать учителя, и учитель сделал проект на основе их идей. Мы говорим иногда, что у нас не методическая копилка, а методическая барахолка, вот идешь по барахолке и находишь тут ожерелье XVIII века, а тут какую-нибудь нелепую открытку, но за нею встает удивительный сюжет. Мне кажется, вся надежда на

индивидуального человека, учителя, ученика. На личный опыт личного общения этого конкретного учителя с этим конкретным учеником здесь и сейчас. Платформы не спасут, они помогут, но не спасут. Универсальные инструменты тоже не спасут, потому что какие могут быть универсальные инструменты, когда учителя в классе 30 детей с глубоко индивидуальными особенностями и запросами? Какая единая программа? Это будет 25 разных программ, только я буду думать, что она у меня одна... В этом случае поможет личный разговор, поможет личная интонация.

Когда я иду к коллегам на уроки — неважно, или как помощник завуча, или как главный редактор платформы иду смотреть на уроки по этой платформе, или как председатель Гильдии иду к молодым коллегам, — я иду за личной интонацией. Мне кажется, очень здорово, если мы все будем настроены на эту личную, ни на что не похожую интонацию.

Поможет любовь, которую не прописать в Конституции, как воспитание, и ты не сделаешь примерную рабочую программу любви. Но только она спасет. Ощущение личного смысла, ощущение личной «зачемности», личной включенности. Да, не всегда получается, да, нет никаких гарантий. Жизнь вообще эксперимент. Но в процессе жизни нас ждут невероятно увлекательные новости, события и люди.

*Интервью провела
Екатерина Терешатова*